

3

СОВМЕСТНОЕ
ИЗДАНИЕ
СВЯТО-
ПЕТРОВСКОГО
БРАТСТВА
(САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ)
И
ВОСКРЕСЕНСКОГО
БРАТСТВА
(МОСКВА)

ДЕКАБРЬ

2002

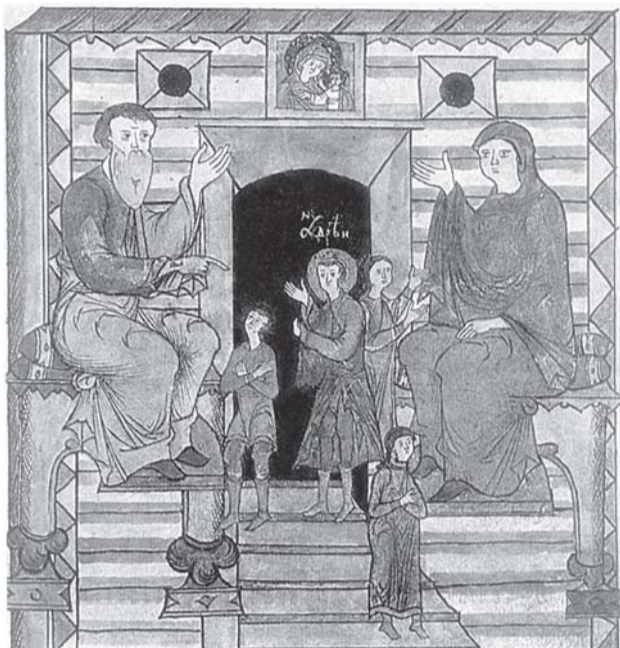
в газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

БОГОСЛОВИЕ - ВСЕОБЩЕЕ ПРИЗВАНИЕ

О проблемах православного образования размышляет проректор Свято-Филаретовского института Маргарита Шилкина

История неоднократно являла собой подтверждение удивительно простой и одновременно столь трудно воспринимаемой нами истины: народ, желающий возродиться из глубокого кризиса, восстать, ожить, должен сосредоточить свои первые усилия на возрождении просвещения и образования. Церковь, встающая из руин и возвращающая своих блудных сыновей к Отцу, должна вернуть свет Истины в их сердца и научить их всему, что Он заповедал нам. Образование всегда есть прежде всего возвращение в сердце ученика того образа человечности, которое оно исповедует. Духовное образование есть обращение к образу единственного Учителя и открытие его в себе. В самом начале XX века известный русский богослов и канонист Н.П. Аксаков в своей книге «Предание Церкви и предания школы» поставил вопрос о принципах такой церковной школы, которая причастна таинству Церкви и является духоносным Путем для нее.

Задача возрождения духовного образования в России возникла не сегодня. В 1905 г. профессор Московской духовной академии С.

Миниатюра 1648 г. «Житийная повесть об Антонии Сийском»

Глаголев в своей речи «Задачи русской богословской школы» с болью говорил о том, что «нигде религия и образование не разошлись так далеко, как в России». И не о количестве духовных семинарий и уроков Закона Божьего шла речь. Уже в начале XX века он пророчески

предостерегал о том, что в силу христианской евангельской безграмотности народа тот образ православия, который исповедуется массовым церковным сознанием, очень далек от истинного Православия. Разрыв между ними нарастает и может привести к трагедии. Ценой, подтвердившей правоту этих слов, стала кровь миллионов новомучеников.

Этот опыт дает право всем, видящим не только внешне, но и внутренне, сердцем, судьбу нашей церкви и нашего народа, сегодня горячо и тревожно предупреждать: голос лучших сынов Церкви не услышан, проблема не решена, более того, разрыв этот готов подойти к той черте, из-за которой нет возврата. Историческая церковь не узнает своего в своем. Невежество становится реальной трагической силой, способной сокрыть во тьме евангельский Образ, подменить радость Богопознания и трепетное живое вхождение в Богооткровение — «лицемерием лжесловесников, сожженных в совети своей», пустословием тех, кто желая быть законоучителями, не разумеет ни того, о чем говорит, ни того, что утверждает.

(продолжение статьи на стр. 4)

АНОНС:

В этом номере многие материалы объединены одной главной темой — размышлением о проблемах духовного образования.

Этой теме посвящены размещенные на стр. 1-4 интервью представителей иерархии, статьи сотрудников и преподавателей Свято-Филаретовского института, новости из жизни православных ВУЗов.

Начало разговора о межконфессиональном диалоге — несколько очень разных по характеру и содержанию материалов о жизни Католической церкви в Западной Европе (стр. 5).

Разговор о современной культуре продолжается статьей Бориса Кольмагина о поэзии андеграунда (стр. 6-7).

Книжное обозрение почти целиком посвящено новой книге протоиерея Павла Адельгейма (стр. 8)

«МИССИОНЕРСТВО СЕЙЧАС - ДЕЛО ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЕ»

заявил митрополит Солнечногорский Сергей

Митрополит Солнечногорский Сергей, Управляющий делами Московской Патриархии беседует с корреспондентом «Кифы» Александрой Кольмагиной

— Владыка, как Вы считаете, те высшие учебные заведения, где есть катехизаторские факультеты, может быть, требуют сейчас особой общецерковной поддержки?

— Я думаю, что требуется не только общецерковная поддержка: я считаю, что миссионерство сейчас — это вообще общегосударственное дело. Безусловно, нужно не только на уровне иерархии, но вообще всей Церкви браться за это дело и как-то воцерковлять наших людей.

— Какова роль таких учебных заведений в подготовке мирян к миссионерскому служению?

— О роли таких высших учебных заведений, я думаю, говорить излишне, нужно добиваться того, чтобы каждый православный человек в меру своего духовного возраста был бы миссионером. Но для этого нужно очень много качеств: кроме образования, еще нужны любовь и терпение. Без этого мы ничего не сделаем. Потому что найти путь к человеку и говорить с ним на языке, который он понимал бы в силу своего возраста духовного — это очень, очень важно.

«КАТЕХИЗАЦИЯ КРЕЩАЕМЫХ, КОНЕЧНО, ОЧЕНЬ НУЖНА»

утверждает протоиерей Всеволод Чаплин, заместитель председателя ОВЦС

— Видите ли вы в перспективе возможность того, чтобы миссия действительно встала в центр церковной жизни?

— Миссия в церкви уже получает большую поддержку и многие люди участвуют в ней в Москве и в епархиях. Это и священники, и миряне. На мой взгляд, особенно в ней должны участвовать студенты, готовящиеся стать пастырями, потому что практический опыт миссионерской деятельности неоценим. Может быть, нужно стремиться к тому, чтобы учащиеся проходили ту или иную практику на приходе, потому что живое общение с людьми дает в каком-то смысле больше, чем чтение учебников и слушание лекций. Катехизация крещаемых, конечно, очень нужна. Мы знаем, что есть какое-то количество людей, которые, приходя для крещения в храмы, требуют, чтобы их крестили немедленно, относятся к таинству потребительски, возмущаются, когда

священник предлагает им рассказать хотя бы о смысле крещения; говорят, что можно все сделать за какие-то минуты. Конечно, нам нужно преодолеть такое отношение к таинству. Ну, и постепенно воспитывать народ. Потому что не секрет, что часто бывает так, что когда в одном храме перед крещением совершается длительная и серьезная катехизация, люди уходят из этого храма и идут в другой храм, где окрестят быстро и «без осложнений».

Конечно, не нужно человека переламывать каким-то давлением, но нужно стараться объяснять людям вдумчиво серьезность крещения, как крещения взрослых, так и крещения детей. И делать это в том числе через СМИ. И может быть, если наша проповедь будет доходить до людей еще до того, как они пришли в храм, священнику будет легче, потому что будет меньше таких людей, которые приходят и приступают к таинству потребительски и грубо.

ИОАННОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

В минувшем ноябре после двухлетнего перерыва возобновили свою работу Иоанновские образовательные чтения. Соучредителями чтений, посвященных осмыслению пастырско-педагогического наследия святого Иоанна Кронштадтского, являлись как духовные (Архангельская епархия, Антоние-Сийский монастырь), так и светские учреждения Архангельской области (администрация области, департамент образования, ПГУ им. Ломоносова). Вообще, идея сотрудничества (симфонии) церкви и государства стала одним из лейтмотивов чтений. Она проявилась в приветственных обращениях (патриарха и помощника президента) и в составе участников, в тематике выступлений и в их языке, даже в оформлении сцены: в конференц-зале областной администрации над огромным российским флагом был помещен графический портрет святого Иоанна Кронштадтского.

Доминирующей на чтениях стала образовательная и историческая проблематика (чтения были посвящены 320-летию образования Архангельской епархии и памяти Холмогорского архиепископа Афанасия). К сожалению, единственная секция, посвященная жизни и деятельности святого Иоанна Кронштадтского, оказалась расформированной из-за малого числа заявленных докладов. Очень много на Иоанновских чтениях говорилось о воспитании личности нового типа на основах православной нравственности. Намечались некоторые пути достижения поставленной цели: организация православных гимназий, введение в школах курса православной культуры, активная борьба за юные души с врагами православия (в число последних попали не только духи злобы поднебесной, но и нехристианские религии, иные конфессии, секты, ретроградные госчиновники и т.д.).

Прямо, а чаще косвенно, в выступлениях звучал вопрос о том, кто же будет воспитывать новое христианское поколение, откуда возьмутся верующие и церковные учителя (как известно, церковность — качество, которое не обретается на педагогических курсах). В чтениях приняли участие многие известные церковные деятели.

Юлия БАЛАКШИНА

Как кажется, церковные и общественные "плоды" десятилетней работы ПСТБИ вызывают скорее сожаление и почти что стыд за многих его сотрудников и студентов, имеющих возможность на самом деле многое сделать для церкви. Впрочем, — кто знает? — может быть, все еще изменится, и из его жизни уйдет внутренняя закрытость, официозность и завистливое стремление уничтожить "конкурентов". Да и какие могут быть конкуренты на немереном и непаханом поле подлинной миссионерской и просветительской деятельности в нашей стране и в нашей церкви, где всем может и должно хватить места?

Больше всего меня поразил катехизаторский факультет без катехизаторов. Как это, хочется сказать, по-советски... Богословский институт без богословов.

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Свято-Филаретовскому институту пошел пятнадцатый год

Священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института

«Мне бы очень хотелось, чтобы эти академические акты были не просто бравурной акцией «линейкой под знаменем», чтобы из каждой встречи мы старались извлечь для себя какой-то опыт. Только тогда мы сможем действительно радоваться всему, что Бог может делать в нас и через нас» — эти слова ректора Свято-Филаретовского института (СФИ), священника Георгия Кочеткова, стали лейтмотивом одновременно радостного и глубоко серьезного празднования, подводившего итоги не только минувшего учебного года, но и всей пятнадцатилетней работы института. Было все, что и должно было присутствовать по стандартному протоколу — отчетная речь, награждение выпускников и даже

выступление институтского хора. Но ни одна из этих частей праздника не была «протокольным мероприятием», не носила на себе печати формализма и скуки.

В выступлении ректора совсем не так уж много говорилось о достижениях института (хотя многими из них можно было бы заслуженно гордиться), скорее это был доверительный разговор о проблемах. Сегодня Свято-Филаретовский институт — это не только высшая школа, в которой учатся около двухсот студентов из многих городов мира и преподают лучшие профессора. Это еще Богословский колледж и Богословские курсы, Педагогические курсы и Курсы церковно-прикладных ремесел (будущий факультет церковного искусства), ежегодные международные научно-богословские конференции. Все это огромное «хозяйство», в которое нельзя не включить и существующее при институте Огласительное училище, курирующее катехизацию сотен человек в разных регионах России и ближнего зарубежья, чем-то радуется, чем-то и огорчает тех, кто о нем пишет.

Впрочем, по словам о. ректора, в последнее время в попечение об институте — в работу звукостудии, в помощь заочникам, в покупку «в складчину» необходимого учебного оборудования — все активнее стали включаться сами студенты. «Однако, хотя ответственность студентов перед институтом возросла, чувство церковной ответственности у них еще явно недостаточно», — добавил он. — Не всегда окончание института связано с тем, что выпускник берет на себя ответственное служение во благо Церкви».

Подробно рассказав о деятельности и проблемах институтского издательства, информационной службы и звукостудии, священник Георгий Кочетков закончил свое выступление словами: «Мне очень хотелось воспользоваться этим собранием, чтобы все

знали о проблемах внутренней институтской жизни, чтобы все чувствовали свою причастность тому, что делается в нашем институте, во всех его подразделениях. Я не утаил ни одной серьезной проблемы, хотя сегодня не заседание ректората или ученого совета, а общее радостное событие. Но хотел бы еще раз повторить, что наша радость будет полна тогда, когда мы будем хорошо представлять нашу реальность, когда мы будем трезво оценивать и достижения, и трудности».

Празднование продолжила актовая речь зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики, кандидата филологических наук Давида Гзгзяна «Догматическое богословие сегодня (к восстановлению утраченных смыслов)». Возвращение к подлинному смыслу догматических формулировок невозможно без личной встречи с Тем, Кто Сам — Путь, Истина и Жизнь, подлинное богословие возникает лишь изнутри жизни в реальности этого общения — этот тезис не только теоретически, но и практически вытекал из доклада, явившего собой действительно живое, внутренне прожитое слово.

Радостным продолжением актового дня стало вручение бакалаврских и магистерских дипломов. «Каждая работа требует больших духовных усилий, поэтому нам очень дороги все наши выпускники» — сказала, объявляя их имена, декан СФИ Лариса Мусина. Магистры и бакалавры (многие из которых защитили выпускные работы, значительно превышающие, по общему признанию, заявленный уровень) один за другим поднимались на сцену под теплые, радостные аплодисменты.

Празднование завершилось общей молитвой с пением праздничных песнопений святому покровителю института святителю Филарету Московскому.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ТОРЖЕСТВО

Десятилетний юбилей Свято-Тихоновского института

Память избрания святителя Тихона на патриарший престол (а не его кончины) традиционно празднуется как актовый день Свято-Тихоновского института. Наверное, выбор из двух этих дат той, что связана с признанием святителя видимой частью церкви, не случаен, как не случайно и то, что в этом году, как и в прошлом, празднование совершалось в месте официальных торжеств Русской православной церкви — зае церковных соборов храма Христа Спасителя.

История Православного Свято-Тихоновского богословского института (ПСТБИ) за десять лет, прошедшие с момента его регистрации, включает в себя очень разные вещи. Параллельно друг другу шли количественный рост, все большее признание со стороны государства (в нынешнем году разработанный институтом проект лег в основу государственного образовательного стандарта преподавания теологии), территориальное распространение (до 13 филиалов в разных городах России), разработка церковно значимых программ, например, создание базы данных о новомучениках и исповедниках российских — и такие печальные страницы, как конференция «Единство церкви» 1994 г., где один за другим преподаватели института выступали с откровенно поверхностными и подчас даже клеветническими докладами, стараясь отмежеваться от московских священников Георгия Кочеткова и Александра Борисова; выпуск сборника

«Суд им давно готов», где богословская беспомощность авторов, преподавателей ПСТБИ, соседствовала с научной недобросовестностью; работа так называемой московской «правдолюбивской» комиссии по изучению трудов священника Георгия Кочеткова, которую председатель Синодальной богословской комиссии митрополит Минский и Слуцкий Филарет публично оценил как «пристрастную».

Эта двойственность вполне отразилась и в прошедшем торжестве, которое странным образом мало чем отличалось от предыдущего годовичного акта. Так же не приехал ни ректор СПбДА, приславший вместо себя проректора, ни декан парижского Свято-Сергиевского института, приславший письмо с тремя общими фразами. Точно столько же было участников и гостей (в основном студенты), те же книжные лотки, те же выставки... Заменявший же традиционную актовую речь профессионально сделанный Николаем Державиным фильм об институте лишь отделил унылую помпезность происходящего.

Резким контрастом с только что прошедшим III миссионерским съездом РПЦ прозвучало практически полное отсутствие в официальных поздравлениях хоть одного слова о необходимости просвещения нашего народа. И здесь трудно было не вспомнить, что при огромном институте с катехизаторским факультетом подготовка к Крещению представляет собой всего четыре лекции и собеседование, что в проведении даже этой запредельно урезанной

катехизации студенты института не участвуют.

Торжественное собрание завершилось вручением наград. Вслед за преподавателями (нужно сказать, что любимых можно было сразу отличить от нелюбимых: имена первых сопровождалась бурными аплодисментами студентов, имена вторых — равнодушным молчанием) так же, списком, были зачитаны имена многочисленных награжденных церковными орденами чиновников Минобразования — сотрудников отдела регистрации и лицензирования учебных заведений.

Далеко не случайной нотой прозвучали на следующий день публичные извинения ректора перед важными и жданными, но так и не пропущенными в сурово охраняемый Зал церковных соборов храма Христа Спасителя гостями. Начинаясь как богословско-катехизаторские курсы и до сих пор заявляющий о своей приверженности шпилеровской традиции, ПСТБИ, похоже, оказался задавлен потребовавшим разрушительных компромиссов официальным признанием.

Протоиерей Владимир Воробьев, ректор Свято-Тихоновского института

«НОВАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА» РОССИИ

Комиссия по экстремизму ставит вне закона большинство религиозных объединений

Не так давно средствами массовой информации было распространено содержание проекта доклада «О совершенствовании деятельности государственных и общественных институтов по противодействию проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации». Этот текст является рабочим вариантом доклада, который готовится к совместному заседанию Совета безопасности, Государственного совета и Совета по взаимодействию с религиозными организациями при президенте РФ, назначенному на начало 2003 года.

Над проектом работали более тридцати чиновников под руководством Ахмада Кадырова и министра Владимира Зорина. Текст документа, формальной темой которого является религиозный экстремизм в России, фактически ставит вне закона большинство религиозных объединений. В ряду угроз национальной безопасности первыми стоят католики, затем протестанты, представители новых религиозных движений, и лишь в отдалении маячат исламские фундаменталисты.

Еще недавно отказ от участия в сомнительном проекте под названием «русское православное государство» был торжественно закреплен в Социальной доктрине РПЦ. Однако события последнего времени ставят под сомнения эти намерения. В дело «огосударствления» церкви все активнее вмешиваются светские политики. Так, Сергей Глазьев выступил с «ценной» инициативой о предоставлении РПЦ того же статуса, что учреждениям здравоохранения и

образования. В повестке дня стоит вопрос о воссоздании Совета по делам религиозного Министерства культов, которое неизбежно будет вторгаться в деятельность религиозных объединений.

В начале перестроечных послаблений широко тиражировалась хлесткая формула «церковь отделена от государства, но не от общества». Однако подлинного диалога церкви с обществом за годы т.н. «религиозного возрождения» так и не произошло.

Тому было немало причин, главная из которых связана с торжеством

фундаментализма внутри церковной ограды. В самом деле, кому охота вступать в разговор с людьми, постоянно муссирующими тему «заговора мировой закулисы», тиражирующими байки о ритуальном убийстве Николая II и с жаром обсуждающими введение цензуры. К сожалению, одиозные организации типа радиостанции «Радонеж», на волнах которой можно услышать немало экстремистских высказываний, находят поддержку в церковном руководстве. Напротив, священники, отошедшие от «генеральной линии», подвергаются всевозможным притеснениям. Любопытно, что идеология фундаментализма стала расхожей монетой в чиновничьих играх. Доклад Кадырова-Зорина с точностью воспроизводит ходы и риторические фигуры церковных радикалов, начиная с ненаучного термина «тоталитарные секты» и кончая образом врага-инностранца.

Доктрина «государственной церкви» далека от реалистического понимания места религии в современном мире. Ее раскрутка в перспективе может больно ударить и по церкви, и по государству. По церкви, потому что окончательно убьет в ней ростки общинной, соборной жизни. По государству, потому что поставит под сомнение то положительное, что несет в себе религия. Ведь чтобы ни говорили воинствующие атеисты, общество, осознает оно это или нет, все же нуждается в нравственном и идейном обновлении, в обращении к вечным ценностям, к многовековому опыту христианства.

Николай КОНСТАНТИНОВ

ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Магистерская диссертация на тему «Курс церковной археологии в Свято-Филаретовском институте (концепция, содержание, методика преподавания)» была защищена 30 ноября на открытом заседании ученого совета СФИ Александром Копировским

В своем вступительном слове Александр Копировский, завершивший магистратуру СФИ в 1994 году (это его третье высшее образование), кратко коснулся сложных обстоятельств истории преподавания церковной археологии. Именно они во многом определили особенности концепции преподаваемого им курса, краткая суть которой — «развитие современными средствами церковной археологии, которая существовала в XIX-нач.XX вв. и прекратила свое существование естественным или насильственным образом». По словам соискателя, то, что было разведено тогда, когда церковная археология пыталась максимально обособиться от литургики, догматики и других богословских дисциплин, нужно попытаться соединить опять, но на уровне научного исследования (пытаясь создать некую сверхдисциплину), а в рамках учебного курса. «Сегодня, когда светская наука возвращается к церковной проблематике, а церковные исследователи уходят от своего предубеждения к формальному анализу, становится возможным и преодоление разрыва между светским и церковным, создание связей, от отсутствия которых мы так страдаем», — сказал он. Многочисленные отзывы и рецензии, оценивающие представленную работу как серьезный, капитальный труд, актуальный, богатый материалом и одновременно сбалансированный, принятый, благодаря многолетнему практическому опыту преподавания (начало созданию курса было положено в 1980 году, когда автор работы начал преподавать этот предмет в ЛДА), законченность и определенность, показали и огромный разброс мнений не только по поводу содержания, но даже по поводу самого названия предмета «церковная археология». В состоявшемся после этого открытом обсуждении, в котором участвовали не только сотрудники Свято-Филаретовского института, но и преподаватели курсов церковной археологии и церковного искусства других церковных и светских ВУЗов, не однажды говорилось о том, что это разнообразие мнений требует продолжения разговора между специалистами. Александр Копировский заметил, что очень рад началу этого разговора. Действительно, состоявшуюся защиту смело можно считать таким началом.

«Несмотря на то, что законы жанра требуют официальных благодарностей, я хочу принести благодарность неофициальную», — сказал в заключение соискатель, — тем, кто не просто способствовал этому курсу, но сделал возможным его существование, его вдохновил и направлял — прежде всего отцу Георгию. Я хочу поблагодарить и всех своих рецензентов, потому что они дали возможность дальнейшей работы, а не закрыли ситуацию просто положительным или отрицательным отзывом. И, конечно, благодарность самому нашему институту, потому что творческая обстановка для преподавателя, возможность не бояться за каждое слово, право на ошибку и одновременно на дерзновение, сама возможность дерзновения — это, конечно, диктуется общей его атмосферой. Тут человек может встать намного выше себя, выше своих способностей, всегда ограниченных, своих знаний, всегда несовершенных».

Открытым голосованием работа была признана заслуживающей отличной оценки (нужно сказать, что во время дискуссии неоднократно раздавались голоса, протестующие против характеристики этой работы как магистерской, т.к. она по всем показателям является скорее докторской диссертацией). Были высказаны пожелания увидеть отдельные части работы в ближайшее время напечатанными и доступными и специалистам, и широкому читателю.

ЧТО СБЛИЖАЕТ И ЧТО РАЗДЕЛЯЕТ СОВРЕМЕННЫЕ ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

Недавно в Свято-Филаретовском институте прошла открытая лекция с обсуждением острой темы христианско-исламского диалога. В своем вступительном слове ректор Свято-Филаретовского института, священник Георгий Кочетков отметил, что тема взаимоотношений христианства и ислама в современном контексте была поднята по просьбе слушателей проводимого в СФИ уже не первый год цикла открытых лекций. «Это очень понятно», — сказал он, — так как мир сейчас весьма болезненно поляризуется, часто несправедливо с той и другой стороны. Каждый христианин сегодня должен знать, что объединяет и что различает христианство и ислам». Кандидат исторических наук, проректор по научной работе ББИ Алексей Журавский, занимающийся исследованием ислама в течение многих лет, начал лекцию с экскурса в историю взаимоотношений двух религий. Он рассказал о содержании и исторических формах христианско-мусульманской полемики, а также поставил вопрос агрессивности той или иной религии в историко-культурный контекст. «Ислам сейчас входит в современный мир, в который христианская Европа вошла в свое время постепенно и органично. Это для него очень сложно, и потому вызывает агрессию. Христианство во времена крестовых походов и гугенотских войн также было агрессивным», — отметил он. Также лектор напомнил, что впервые доброжелательная оценка ислама с позиций христианства, отрицающая прежнее представление о исламе как язычестве, в христианском мире прозвучала лишь от Владимира Соловьева.

Основная часть состоявшейся встречи была построена в форме открытого

обсуждения проблемы. Во время этого разговора, в котором активное участие принял священник Георгий Кочетков, слушатели не только из ответов лектора и отца Георгия, но и из задававшихся вопросов узнали много интересного. Для многих явилось открытием, что в исламе «махди» (тот, кто придет в Судный день), согласно некоторым ранним хадисам отождествляется с Иисусом, что в основе исламско-иудейской полемики лежит отстаивание мусульманами почитания Марии и веры в непорочное зачатие ею Иисуса, что особое, дружественное отношение к «людям книги» — христианам и иудеям — и сегодня существует в исламе не только на уровне умозрительного представления, но и в повседневном общении.

В ходе обсуждения темы очень остро была поставлена проблема принципиальной возможности параллельного существования взаимно противоречащих друг другу интерпретаций ислама, в том числе таких, которые принято называть «фундаменталистскими». С другой стороны, в этом контексте упоминались и предпринимаемые в некоторых современных изданиях попытки христианского толкования Корана.

Основной темой встречи стала тема диалога, прежде всего в его практическом измерении. Вопросы, заданные в начале лекции Алексеем Журавским — как можно понять веру другого, не изменяя собственной вере? Как можно найти в своей вере язык, способный объяснить веру другого? — неизбежно привели к размышлениям слушателей об истоках и плодах диалога, о том, как достигнуть необходимой «прозрачности» для понимания чужой веры «изнутри», как, сохраняя открытость,

Историк-исламовед Алексей Журавский в Свято-Филаретовском институте

толерантность, способность к диалогу, сохранить и необходимую меру ответственности (чтобы не создавать легкомысленно почвы для возможных конфликтов). Священник Георгий Кочетков напомнил, что католики различают диалог и свидетельство для утверждения истины и веры. Прозвучавший в конце встречи тезис — «понимание необходимости углубляться в свою собственную традицию является одним из достижений диалога» в последующих за обсуждением частных разговорах постоянно возникал не как лозунг, а как собственный практический вывод слушателей. Это можно считать одним из несомненных плодов состоявшегося разговора.

КАК ВЕРНУТЬ СМЫСЛ СЛОВАМ

Понимают ли православные свои догматы?

Мы привыкли к немислословью для Церкви параллелизму, когда богословие превращается в профессиональное занятие, не востребованное христианской жизнью, а периодическое воспроизведение вслух догматических формул приобрело функцию присяги на верность. Такое положение дел вызывает ощущение утраты смысла слов, выражений, вероучительных текстов, и даже самого богословия как содержательного и духовно значимого действия.

Слово о Боге не может быть праздным и пресным. Тогда почему повсеместно наследие апологетов, учителей Церкви, свв. Отцов, наконец — вызревшее как плод насыщенной жизни, энергичной духовной целеустремленности, превратилось в застывший массив с причудливым барельефом, в котором мы все больше привыкаем ценить лишь его возраст да архаичный вид? Что это — атрофия соответствующих органов восприятия или всего лишь уверенная поступь истории, когда из виду пропадает то, чему и суждено было исчезнуть?

Если второе — а такой модернистский взгляд на вещи совсем не чужд современному европейскому христианскому сознанию, — тогда церковь безнадежно сама себя потеряла;

если же мы, как православные христиане, резко ухватимся за первое, то что нас тогда так прочно остановило на пути «вперед к Отцам» и, добавим, дальше вглубь?

Не думаю, что нам придется мучить себя долгими поисками ответа.

Странно, но в сфере Духа многие сложности оказываются мнимыми, а их первопричина — простой. Она — в бегстве от евангельской ясности, от пронзительности Божественного Откровения, от воплощенной Истины, от Того, в Ком «обитала вся полнота Божества телесно» — ведь «страшно впасть в руки Бога Живого».

И здесь невозможно не вспомнить о смысле и месте богословствования.

Сам по себе феномен догматического богословия выглядит странным, а с позиций, например, родственных авраамитских религий — даже нелепым. Трудно искать богословие в собственном смысле в исламе. Вряд ли намного легче обнаружить его и в современном иудаизме, да и в ветхозаветной традиции не находится никакого развернутого вероучения — ее сила в пророческой верности Закону, который должен подготовить пришествие Христа. Прежде или помимо Христа нет нужды в каком-то особенно

развернутом вероучительном усилении.

Но все меняется, когда в простую галилейскую будничность врывается личное бытие Божественной полноты. Плирома, которую будут потом пытаться восхитить невероятными ухищрениями ранние конкуренты христианства, обрелась во Младенце, сверхъестественно родившемся от простой земной женщины. Слово стало обитать с нами, и «не было в Нем ни вида, ни величия», но была непобедимая власть. Просто и наглядно стало происходить то, чего быть не может ни с кем никогда. Причем не в отдельных сверхъестественных потрясениях, а в непрерывном будничном сопребывании, когда каждая секунда жизни — это то, чего не может быть, но что совершается на глазах учеников. Вот Он спит, вот ест, вот плачет о Лазаре, а вот повелевает ветру, претворяет воду в вино и выводит того же Лазаря из гроба...

Богословие имеет только одно назначение — не утратить это невероятное чудо евангельской простоты, не дать сбиться фокусу духовного внимания, не поставить во главу угла что-то иное. Чтобы идти за Христом и не терять Его из виду, оказывается, необходимо такое вот нестандартное усиление:

спрашивать: «Кто Ты, Господи, что я не могу забыть Тебя? Кто Ты, имеющий глаголы вечной жизни, так что невозможно уйти от Тебя? Кто Ты, возвращающийся со своей единолично одержанной победой к нам, тем, кто покинул Тебя? Наконец, Кто Ты, кто пребываешь с Нами в Духе Отца, Которым создается новое человечество в Твоем Телесном? Кто Ты, Который грядет во славе, Кто Начало и Конец, Альфа и Омега, но в Котором нет концов, а жизнь бесконечна?»

Невозможно говорить о Боге вне экзистенциального измерения богословия.

Во Христе, в открытом Им жизненным пространстве нет и не может быть никаких препятствий для обретения всех и всяческих ответов изнутри творческого беспокойства о «жизни с избытком», обнимающей всех, кто хочет быть живым. В этом единстве жизни каждого со всеми и в общем творческом беспокойстве о ней и состоит неисчерпаемый источник и неизбывный долг настоящего, действительного догматического богословствования, всегда помнящего основания Откровения о грядущем Царстве, и не теряющего из виду его конечную цель, и, значит — напряженно ожидаемую реальность будущего века.

Давид ГЗГЗЯН

Полный текст актовой речи Давида Гзгзяна на Филаретовском дне СФИ, выдержки из которой мы сегодня публикуем, размещен на сайте www.sfi.ru

БОГОСЛОВИЕ - ВСЕОБЩЕЕ ПРИЗВАНИЕ

(начало на стр. 1)

Из маленькой пустыньки под Ригой в разные концы страны в конце 70-х годов увозили молодые люди как благословение на служение слова архимандрита Тавриона (Батозского): «Незастывшие христиане будут церкви не нужны». Знали, какой жизнью выстрадали эти слова. Понимали, что говорит отец Таврион об ответственности за Церковь в церкви.

Есть два уровня проблем в возрождении сегодня Христианской школы — это, во-первых, проблемы стратегические, требующие глубинного обновления самой церкви и общества, а во-вторых, проблемы тактические, касающиеся прежде всего принципов, подходов, методов духовного образования.

К первым можно отнести преодоление раскола между светским и духовным как в образовании, так и в целом — в человеке и обществе, а также возрождение в церкви общинно-братской экклезиологии преимущественно перед приходской экклезиологией.

Казалось бы, за решение первой проблемы взялось государство. Полпред Президента РФ в Приволжском федеральном округе Сергей Кириенко утверждает, что «кроме подготовки священников, для государства важно богословское образование мирских людей». Государство принимает госстандарт по направлению «теология» для светских вузов, и более десятка госуниверситетов уже открыли у себя теологические факультеты и кафедры. Свято-Тихоновский богословский институт бесплатно располагается в учебных корпусах МГУ. В средних школах вводится предмет «Основы православной культуры».

Но трудно радоваться этим переменам, вспоминая горькие слова отца Сергия Булгакова, сказанные в начале XX века о внецерковности и внецерковности (отчасти же и антицерковности и антирелигиозности) современной культуры и внекультурности (отчасти же и антикультурности) современной церкви, приведших к «унынию народов и угашению духа». Выделение в университетах для богословия «своего угла» (дабы не лезло в другие?), подготовка теологов (богословов!) из неверующих студентов, контроль чиновников епархиальных управлений за

приглашением в университеты профессоров и преподавателей вероучительных дисциплин (невозможный нигде, кроме разве что в СССР), как, впрочем, и идеологический контроль за теми профессорами, которые приходят из академических кругов в богословские институты читать гуманитарные предметы, изгнание из всего этого «богословия» живого Бога, теплой живой веры, трепета Встречи, отрыв научных и учебных дисциплин от их христианских корней, непризнание государством дипломов о высшем образовании, выданных духовными академиями (непризнание, ведущее к невозможности работать на светской работе, требующей высшего образования или, например, защитить кандидатскую диссертацию в светском вузе!) — вот таким «взаимодействием государства и религиозных объединений в сфере образования» подменяется острейшая задача воцерковления культуры.

Если же говорить о возрождении общинно-братской экклезиологии в связи с проблемами духовного образования, то понимая всю необъятность этой задачи, стоит лишь подчеркнуть, что жизненность духовного образования требует его единства со всею жизнью преподавателей и студентов. Духовное образование есть плод и одновременно источник миссионерского, катехизаторского, просветительского, литургического, молитвенного, благотворительного служения братств и общин. Оно должно быть центром их жизни, опираться на их поддержку и вырастать из их потребности в высокообразованных, знающих традицию и подготовленных к служению братьях и сестрах. Одновременно с этим сама христианская Школа может и должна быть как бы единой церковной духовной семьей всех учащих, учащихся и трудящихся в ней, живущей в едином духовном пространстве и времени. Для верующего Христос — единственный Учитель, по отношению к которому все люди должны соединиться в братстве учеников. «Не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос; вы же все — братья».

Не менее серьезные проблемы, стоящие сейчас перед обновлением собственно духовного образования. Во-первых, это индивидуализм и дух потребительства,

порожденные полным обесцениванием в обществе образования и знания как такового. Во-вторых, это разрушение научной богословской школы, разрыв традиции как в богословской науке, так и в образовании, что выражается в т.ч. в отсутствии авторитетных в Церкви и в науке специалистов, а также в отсутствии современных православных учебников на русском языке, включающих результаты исследований XX века. В-третьих, потеря многими студентами понимания значимости личного ученичества как школьной выучки, как послушания, но и как дерзновения в познании. Христианское духовное учительство антиномично уже в том, что оно требует от ученика духовно встать, принять строгую и напряженную позу души, выпрямиться и поставить себя в присутствии святыни. Ученик в школе не смеет распускаться, как справедливо заметил академик Сергей Аверинцев. И значит, ученичество предполагает христианскую аскетику. Но оно же само харизматично и мистично, не подчиняется никаким школьным нормам, а полагает новые нормы новой школы, ибо Христос учит «как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи».

Из острой потребности ответить на все эти вызовы времени, из пастырской ответственности за воцерковленных людей, за их жизнь в церкви родился и вырос существующий уже пятнадцать лет богословский институт, носящий имя свт. Филарета Московского. Его уникальность — в возрождении святоотеческой традиции единства катехизации, духовного образования и богословской науки с общинно-братской жизнью. Свобода Института от вхождения в какие бы то ни было образовательные системы, как государственные, так и церковные, светский статус при глубоко церковном характере самого обучения требуют мудрости в выборе форм деятельности при сохранении верности тем целям и принципам образования, ради которых Институт возник изначально: принципам личности и церковности,

Проректор СФИ Маргарита ШИЛКИНА

личной ответственности и внешней иерархичности.

Заложенное в концепции учебных программ требование единства богословской глубины, академической корректности, библейского языка и вписанности в общую историю науки и культуры остро ставит проблему создания новых курсов, а значит и написания новых учебников, отвечающих таким требованиям. Тем более, что студенты, слушающие такие курсы, — это в основном люди с высшим светским образованием.

Но главной сотрудницы и преподаватели института считают ту проблему, которая всегда будет стоять перед любым христианским вузом, — проблему личной церковной ответственности за приход в церковь людей образованных, знающих традицию, умеющих ориентироваться в сложных ситуациях и находить в них церковное решение, жертвенных и дерзновенных в служении, готовых к собиранию всех живых сил в церкви через миссию, катехизацию, создание общин и братств. Ибо наступило время, о котором писал как о будущем почти столетие назад прот. Георгий Флоровский, «когда богословие перестает быть личным или «частным делом», которым каждый волен заниматься или не заниматься в зависимости от своей одаренности, влечений, вдохновений. В нынешний лукавый и судный день богословие становится всеобщим и католическим призванием».

Маргарита ШИЛКИНА, кандидат философских наук, бакалавр богословия

Хилда Кибум (Hilde Kieboom), глава общины

Община святого Эгидия в Антверпене возникла в 1984 г. Первоначально состояла из шести человек. Сейчас насчитывает несколько сотен членов. Все они участвуют в помощи старикам и бездомным, в христианском воспитании детей и молодежи. Но главным служением общины остается ежедневная общая вечерняя молитва.

Ниже мы публикуем выдержки из стенограммы встречи Сретенского братства с руководителями общины.

Хилда Кибум. Община святого Эгидия в Риме появилась в 1968 году. С одной стороны, это было время II Ватиканского собора, открытия себя миру и другим религиям и формирования народа Божьего, возрождения Католической церкви — того, что по-итальянски называется «аджорнаменто».

В это время молодой студент Андреа Риккарди — тогда ему было 18 лет — искал возможности воплотить Евангелие в своей жизни вместе со своими друзьями. Его главной мыслью было то, что изменять мир нужно, начиная с собственного сердца, что если мы начнем жить по-христиански, мир начнет меняться. Так возникло братство св. Эгидия. Это не стремление к институциональным переменам в жизни церкви, не политическое или

ХРИСТИАНСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО БЕДНЫМ

община св. Эгидия в Антверпене

идеологическое движение, а движение евангелическое.

Две стороны нашей жизни — стремление быть вместе и открытость по отношению к другим, в том числе и социальное служение, — были изначально. Чем духовно крепче было внутри наше братство, тем больше становилось у нас сил для того, чтобы помогать миру. С другой стороны, вместе помогая детям, престарелым, бедным в их трудностях, мы становились друзьями. Чем чаще мы сталкивались с бедностью, тем больше у нас появлялось поводов для христианского свидетельства — так росла община.

Давид Гззян. Что Вы начали делать, когда решили, что община в Антверпене обязательно будет? Каковы были ваши первые шаги? Как вы узнали своих будущих братьев и сестер?

Хилда Кибум. Сначала я решила рассказать о римской общине в университете. Естественно, почти все мне сказали: «Ты сошла с ума! Молодая женщина должна не молиться или посвящать свои вечера ерунде, а заниматься делом, делать карьеру». Мое поколение было настроено по отношению к церкви очень критически. Они были согласны заниматься социальной работой, но не хотели молиться. Моей задачей было объяснить им, что в общине св. Эгидия молитва и социальная активность — это две стороны одной жизни. И кто-то из моих друзей на это откликнулся. Рост общины св. Эгидия вообще происходит очень естественно.

История, аналогичная моей, произошла в нескольких городах в разных странах. Основатель нашей общины Андреа Риккарди не был человеком теоретического склада. Он не смотрел на карту и не думал: «Мы должны непременно основать общины там, там, потом там». Он просто хотел жить евангельской жизнью со своими друзьями. Так все и получилось.

Священник Георгий Кочетков. Чувствуете ли вы какую-то свою преемственность с христианской церковной традицией — на Западе, может быть, с такими деятелями, как священник Жак Лев или Жан Ванье, а на Востоке, скажем, с теми, кто строил подобные движения в 20-е годы XX века (в России это были наши знаменитые старцы — святой Алексий Мечев, архимандрит Сергей (Савельев) и другие)?

Хилда Кибум. Мы, конечно, чувствуем нашу общность со всем опытом Церкви.

Вчера мы говорили о Франциске Ассизском и о нашем духовном родстве с ним. Мы можем вспомнить и Иоанна Златоуста и, равным образом, Бенедикта Нурсийского с его замечательным девизом «Молитва и труд». Собственно, эти две стороны жизни мы пытаемся осуществлять сейчас в жизни нашей общины.

Кроме того, мы, конечно же, хотим привнести и что-то новое, потому что ничего просто так в церкви нельзя повторить. И нам чрезвычайно важно в этом переживании единства со всей церковью общение с разными общинами, в том числе с такой, как ваша.

Для нас важен опыт русской религиозной мысли, например, Владимира Соловьева, который говорил, что первое дело для христианина — это молитва. Нам близка мысль отца Александра Меня, что христианство только начинается. Ну, и наконец, писатели — Толстой, Достоевский, вся эта плеяда, говорившая о зле и его корнях.

Конечно, для нашей духовной традиции очень важно богатство восточного молитвенного опыта, иконографии, отношения к литургии как к центру в жизни церкви. Когда Андреа Риккарди обращается к общине, создается впечатление, что это человек с двумя духовными «легкими» — западным и восточным.

ШЕВЕТОНЬ И ЛАВРА

В 1973 г. три монаха бенедиктинского монастыря в Шеветони по приглашению Московской Патриархии и митр. Никодима (Рогова) приехали в Россию в качестве делегации католической церкви. О поездке рассказывает один из ее участников, о. Николай Эжендер (p. Nicolas Egender).

Эта поездка дала нам возможность увидеть много таких вещей, которых не могут увидеть обычные туристы.

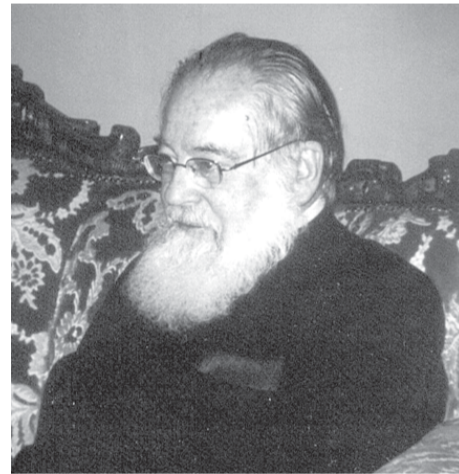
Когда мы прилетели в Москву, нас ждал в аэропорту о. Владимир Рожков, ныне покойный. Он всегда ездил с нами по Москве. Мы должны были пройти таможенно, но вдруг оказались уже на улице перед зданием аэропорта. Если бы мы только знали о такой возможности заранее, конечно, мы захватили бы с собой гораздо больше христианской литературы. Мы очень жалели потом, что привезли мало русских Библий, особенно издательства «Жизнь с Богом». Потом мы слышали (и нам всегда было неловко это слышать), что в России эту очень красивую Библию, изданную в Брюсселе, называли Шеветоньской Библией. На самом деле это брюссельское издание, а не издание нашего монастыря.

Мы поехали на подмосковную дачу митрополита Никодима, который тогда только что перенес второй инфаркт. Нам запомнилось очень красивое и богатое собрание русских икон. Мы взяли из Шеветони облачение и оставили его в подарок митрополиту. Несколько лет спустя кардинал Виллебрандс, который часто приезжал к нам, рассказывал, что он был в Ленинграде у митрополита Никодима и присутствовал на литургии ап. Иакова. На митрополите было не совсем

обычное облачение; это и был наш подарок. В древности архиереи не носили саккоса, только омофор (это можно видеть на иконах и миниатюрах). И митрополит Никодим хотел служить эту литургию в древнем облачении, поэтому с радостью принял нашу очень простую, но очень красивую фелонь.

Мы служили латинскую мессу, а потом вместе пили чай, самый лучший чай, какой я когда-либо пил, в самых красивых чашках, и долго разговаривали. В комнате был престол, и там был крест Павла VI (XV века). О римской курии митрополит Никодим знал все и рассказал нам о ней самые последние новости. Это была одна из самых уникальных и необычных встреч в моей жизни.

Вечером мы уехали в Загорск (Сергиев Посад). В первый вечер мы присутствовали на акафисте, а на следующий день в храме Смоленской иконы Божией Матери я служил по благословению патриарха литургию Иоанна Златоуста. Маленький хор монахов пел во время той литургии. Я думаю, что я самый первый католик в истории церкви, который служил литургию в Сергиевом Посаде. Кажется, что и другие католики там служили, но только латинскую мессу на специальном престоле перед иконостасом. Мне приготовили листок со списком поминовений на Великом входе: первым там стоял Папа Римский, вторым — Патриарх Московский и всея Руси и третьим — настоятель монастыря. Этот листок я храню как реликвию до сих пор. Это был сложный период для русской церкви, и для меня это было очень глубокое событие — служить в Сергиевом посаде. На пути к единству есть события, которые можно воспринимать как маленькие пятидесятницы. Эта служба была для меня не маленькой, а большой пятидесятницей.

отец Николай Эжендер

Потом мы поехали в музей Андрея Рублева. Чувствовалось, что люди, которые там работали, на самом деле верующие и как бы община. Тогда о каких-то вещах не говорили между собой, но все равно, все их чувствовали и понимали.

Утром, когда мы приехали в Ленинград, нас встретила делегация русской церкви под руководством о. Владимира Сорокина. Нас сразу повезли в академию, чтобы служить литургию. Апостола и евангелие читали по-русски, и мне дали читать евангелие по-русски без подготовки. Я очень боялся и молился о помощи Святого Духа, потому что я не очень хорошо читал по-русски, по-славянски намного свободнее. И молитва действительно помогла мне.

Мы побывали в Псково-Печерском монастыре, у знаменитого иконописца о. Алипия. После этой поездки мы вернулись в Ленинград. Нас очень тепло проводили и надарили столько подарков, что мы с трудом увезли их в Бельгию.

С тех пор у меня остался наперсный крест — подарок патриарха Пимена.

НЕМЕЦКИЕ КАТОЛИКИ ЗАКРЫВАЮТ СВОИ ЦЕРКВИ

Современный экономический девиз церкви в Германии можно выразить одним словом: экономия. Несмотря на огромные земельные владения церкви (две крупнейшие христианские конфессии обладают 6,8 миллиардами кв. м. земли, что в три раза больше чем Бремен, Гамбург, Берлин и Мюнхен вместе взятые; общая стоимость земли оценивается в 143 миллиарда евро), состояние финансов 27 немецких католических епархий на сегодня оставляет желать лучшего. В некоторых областях Германии нередко можно услышать, что церкви здесь беднее, чем церковные мыши. Причиной тому — кризис, разразившийся в сфере экономики и, как следствие, затронувший крупнейшие религиозные организации. Поскольку церковный налог и подоходный налог взаимосвязаны (подоходный налог составляет прибл. 30%, а церковный налог — прибл. 7% от подоходного, церковный налог платят те, кто считает себя христианами), то из-за роста безработицы государственная поддержка церкви стремительно падает. По подсчетам Союза епархий Германии (VDD) церковный налог в 2002 году сократится на 50 миллионов евро и составит 4,2 миллиарда евро. К этому надо прибавить неуклонное сокращение числа прихожан. Если в 1990 году католическая церковь насчитывала около 28,2 миллионов своих членов, то сегодня эта цифра понизилась до 26,8 миллионов человек. Чтобы предотвратить катастрофу, церковные власти Оснабрюка и Мюнстера обратились за поддержкой к специалистам. Агентство McKinsey, оказывающее помощь по выходу из кризисных экономических ситуаций и поэтому широко известное в Германии, взялось привести финансовые дела церкви в порядок. А нынешняя ситуация не из простых. Только в течение последнего года на школы, детские сады и строительство католической академии понадобилась сумма, превышающая епархиальные средства на 75 миллионов евро. Долги церкви год от года растут: в 1995 году для возмещения дефицита епархиального бюджета церковным властям пришлось взять кредит на сумму 10 миллионов евро — и этим было положено начало кредитования католической церкви в Германии. В следующем году на церковные нужды предполагалось израсходовать огромную сумму — около 167,5 миллионов евро, очевидную нехватку средств пришлось покрыть за счет кредита в 35 миллионов евро. В связи с денежным дефицитом возможно уже в следующем году в Берлине будут закрыты две церкви. Такую картину можно наблюдать не только в столице. В епархии Эссена из-за роста безработицы церковный налог сокращается ежегодно на 8%, также неуклонно сокращается и число прихожан. Это приводит к тому, что не хватает средств не только на покупку новой мебели или покраску зданий, но и на содержание церковного клира. Все эти сложности приведут, возможно, к тем же последствиям, что и в столице — к закрытию «нерентабельных» церквей.

По материалам Spiegel Online
Перевод с немецкого: Р. НОСОВА

Закрывать храмы мы видели собственными глазами во время октябрьского паломничества в Европу. Закрываются не только католические храмы, но и протестантские. Особенно тяжелая ситуация в Голландии. Пустеют не только храмы, но и семинарии — никто не хочет быть священником. Тем более интересно, что движение святого Эгидия растет.

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ АНДЕГРАУНДА (ПЕТЕРБУРГ - МОСКВА)

Борис КОЛЫМАГИН

Глобальный коммунистический проект не предусматривал такого явления, как русская религиозная литература. Поэтому не удивительно, что метания и риски поэзии 60-80-х годов лежали в стороне от совписовского болота. На хлебосольных кухнях, где собирались неофициальные литераторы, звучал все нарастающий ритуальный смех и шли духовные поиски.

С нашей стороны, однако, было бы чрезвычайно сомнительным занятием связывать их с «религиозным ренессансом», о коем любили вещать вражеские голоса во время оно. Слишком падко было культурное подполье на восточную мистику,

Константин Кузьминский

спиритуализм, оккультизм, апокрифы и забывающую обо всем игру. И все-таки андеграунд оставил нам немало ориентированных на духовную вертикаль произведений.

Некоторые критики склонны связывать духовную поэзию исключительно с каноническим сознанием, которое естественным образом сочетается с сознанием мистериальным и онтологическим (но редко когда с мистическим и пророческим). В их стремлении апеллировать к неким, не всегда проговариваемым, образцам есть определенный резон. Действительно, мы можем говорить о существовании поэтического канона, подобного

иконописному, который предстает в виде главного источника легитимности. Канон этот может пониматься разными людьми по-разному, тем более что он не привязывает нас к жестким стихотворным формам. Но здесь принципиально важно, что авторская стратегия имеет определенное направление движения, заданное традицией, вследствие чего тексты оказываются приспособленными для теологических интерпретаций. Выход за пределы канона не означает потерю с ним связи, так как только церковное сознание вправе придавать или не придавать текстам религиозный статус.

В этой связи показательны народные духовные стихи. Создаваемые безымянными сказителями, «каликами переходжими» и приспособленные к народному восприятию, часто наивному и весьма живописному, они способствовали воцерковлению народа. Вероятно, поэтому между саггаталями и исполнителями духовных стихов с одной стороны и институциональной церковью с другой никогда не возникло серьезных конфликтов. И это при том, что расхождения в содержании народных духовных стихов со святоотеческой традицией были, и порой весьма и весьма существенные.

Одна из особенностей религиозных стихов, связанных с каноном, состоит в том, что риторика в них часто соприкасается с поэзией. Порой очень трудно отследить, где кончаются витиеватые риторические фигуры и начинается подлинная поэзия, мощный, поглощающий все речевой поток. Чрезвычайно важны в этом смысле тексты классиков. Например, оды Гавриила Державина, построенные на риторической триаде: тезис — антитезис — синтез. К стихам мы их относим во многом благодаря тому, что в них отчетливо явлена личностная «Я — Ты» связь.

И все-таки религиозная поэзия шире и глубже любых канонических рамок. Поэтому разговор о каноне как о стержне, на котором держится религиозная поэзия, представляется не вполне корректным. Адам в раю был абсолютно свободен, в том числе и от традиции. И если бы он действительно писал стихи, то они были бы все духовны. В падшем мире творчество подпитывается, увы, из замутненных источников, и свобода нередко служит возвышению образа зверя в человеке. Однако в человеке есть, мы знаем, и другой полюс, где он являет себя как образ Божий.

Если этот полюс отражен в тексте, мы вправе называть такое произведение религиозным. В духовных стихах, по большому счету, не должно быть гордыни, тщеславия, ксенофобии и т.п. Однако, жестко следуя такому апофатическому подходу, мы рискуем потерять действительно значимые вещи, выплеснуть с водой и ребенка.

Многие тексты классиков, например, оказались бы за границей религиозной поэзии. Скажем, стихотворения Лермонтова, у которого немало искусительных мест (недаром его Демон столь притягателен). Здесь, вероятно, следует говорить о смертных грехах, убивающих саму идею религиозного стихотворения, и прегрешениях.

Религиозная поэзия незримо связана с духовной вертикалью. Духовный пласт бытия, скрытое присутствие которого придает совершенно иное содержание самым простым вещам, взятым в качестве объектов

поэтических медитаций, позволяет взглянуть на поэзию в контексте противостояния добра и зла. Стихи как объективно сильная речь взаимодействуют с «вертикальными» интуициями человека. И в этой точке пересечения веры и актуального искусства происходили и происходят удивительные художественные и мистические открытия.

Интересно, что голоса пророков, почти переставшие звучать внутри церковной ограды, зазвучали в поэзии XVIII-XX веков. Конечно, они не были такими цельными и сильными, как в Древнем Израиле. Однако в интонациях и в интенциях, в намеках и в паузах между строк чуткие сердца узнавали обращенные к ним свыше послания. О профетическом пафосе русской поэзии написано немало работ. Книги Н.А. Струве, к примеру. Поэтому я не буду распространяться об этом дальше, лишь подчеркну: попытки пророчества в литературе далеко не всегда сочетаются с каноном.

В советском культурном подполье, в котором нашли себе место как находящиеся в орбите канона тексты, так и не вступившие с ним в диалогическую связь произведения, отчасти был реанимирован славянофильский миф о противоборстве двух столичных школ. Разностильная Москва в рамках новых стратегий легко усваивала современные слоганы и жесты, запросто вводя быт в ткань текста. Город на Неве, напротив, оглядывался на традиции Серебряного века. На метафизические блоковские дали, с Незнакомкой и бездонными провалами в вечность.

Фигура Блока, пожалуй, является ключевой для всего культурного подполья. Блок помогал, минуя дебри официоза, вернуться к исходной точке того культурного процесса, который был насильственно прерван октябрьским переворотом. Но если в Москве блоковские строки звучали в контексте современности, то в Петербурге они естественно сопрягались с державной архитектурой и декадентской мистикой.

По мнению поэта и критика Виктора Кривулина, на ленинградской неофициальной литературе стоит печать постсимволизма. И это правда. На фоне социально-политического беспокойства Первопрестольной, Питер в те времена, действительно, смотрел назад и вверх. Это был сильный жест. Дореволюционный Санкт-Петербург, кокон политического терроризма, словно отвергал

Дмитрий Бобышев

свое бытие, свой воинствующий антитрадиционализм и возвращался к классике.

Думается, вовсе не случаен тот факт, что большинство работавших с каноном, с традицией поэтов жили на берегах Невы. К ним можно отнести, например, Дмитрия Бобышева.

Бобышевская Русь обрела словесную плоть через мандельштамовскую магию звука и нерасчтенное конфессиональными спорами пространство. В одном из стихотворений семидесятого года этот сюжет прописан так:

*Бортнянский. Православная Россия.
Над весями висит, светясь, Ave Maria.
Мы слушаем его, ее, как бы впервые,
взмывая на воздушных завитках.
И музыке в ответ великой, малой, белой
Капелла звездная над певческой Капеллой
в подругах всеми скрипами запела,
кренясь на серафических ветрах.*

Из ленинградских поэтов религиозно-мистического круга невозможно пройти мимо Анри Волохонского. Константин Кузьминский писал про него: «Анри Волохонский — фигура мистическая и мистифицирующая. Маленький, черный, похожий на Мефистофеля, с хамелеоном на плече, он изучает на берегу Тивериадского озера свой фитопланктон. Каббалист, мистик, знаток Древней Греции и Египта, иудей и христианин, замечательный поэт, автор теософических трактатов и трактатов о музыке, исследований о свойствах драгоценных камней, он возникает за каждой значительной фигурой современного Петербурга. Его имя связано со всеми интереснейшими именами и школами, сам же он остается в тени...».

Положенное на музыку знаменитое стихотворение-перевод Волохонского «Под небом голубым» распевалось на дружных посиделках и в туристических походах. Вероятно, не все певцы догадывались о новозаветном контексте песни, но радостное свидетельство о рае волновало души. Интересно, что у Волохонского, так же как и в оригинале, первая строчка звучала немного иначе, чем в песне — «НАД небом голубым».

Менее известно, хотя тоже очень интересно, другое его стихотворение, «Падение Иерихона» — прозрачный образец канонического текста.

Богаты прямыми религиозно-

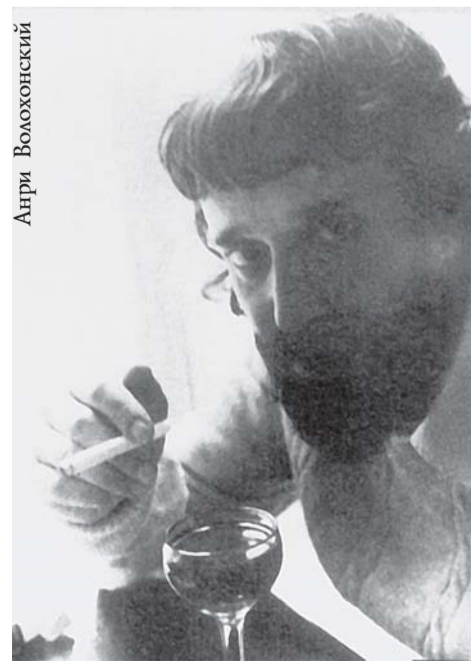
Если "семена Логоса", искры Света, были рассеяны по языческой культуре, то не в большей ли степени по постхристианской?

Мне кажется, что никто из живущих после так будто бы тихо и незаметно совершившейся тайны Воскресения не может, даже если он атеист или агностик, забыть о ней, оторвать от нее свой внутренний взгляд.

.....

Как-то одна моя знакомая поделилась со мной: "Знаешь, как бывает у нас в православии? Вроде бы все хорошо, а потом вдруг - раз, и нет ничего..." Печально, что порой не остается даже памяти.

Анри Волохонский

богословскими аллюзиями и стихи другого представителя ленинградского спиритуального круга Елены Шварц. Ее рваные, эмоциональные, мучительные строчки напоминают походку юродивой. Лирическая героиня Шварц, пожалуй, слишком озабочена собой, слишком истерична, чтобы ввести читателя в жизнь Церкви. Но в ее кликушестве иногда случаются прозрения:

*Ткань сердца растеку
Спасителю под ноги -
Когда Он шел с крестом
по выжженной дороге,
Потом я сердце новое сошью.
На нем останется и пыль с Его ступни,
И тень креста, который Он несет.
Все это кровь размоет, разнесет,
И весь состав мой будет просветлен,
И весь состав мой будет напоен
Страдания светом.
Есть все - тень дерева, и глина, и цемент,
От света я возьму четвертый элемент
И выстрою в течение долгих зим
Внутригрудной Ерусалим.*

Поэтический проект Шварц позволяет сочетать христианскую символику с акцентированной физиологией. Это видно и по приведенному выше произведению, где о крестоношении говорится в контексте телесных образов. Автор опирается на парадигму католической культуры. Между строчек мелькают и плат Вероники, и духовное руководство Фомы Кемпийского «О подражании Христу», и преклоненная, эксцентричная матрона, созерцающая Св. Причастие. Все это в целом работает на яркий «вертикальный» жест юродствующей героини.

Следующий поэт, которого хотелось бы упомянуть — это Сергей Стратановский. Внятные, отчетливые строчки Стратановского вычерчивают питерскую линию судьбы русской поэзии. Здесь слышится / цитируется Блок-Достоевский. Дышит не заглушаемая временем и обстоятельствами связь с тем, что принято называть жизнью и что делает всякое искусство таким уникальным, неповторимым и конкретным.

В предельно фрагментарных, фиксирующих сиюминутное состояние текстах поэт метафизичен, сакральный терзень выстраивает все произведения в некий иерархический ряд и мифовенчаный с прозой обыденности, становится главным источником стихотворений.

Автор ощущает себя внутри истории спасения. Библейское откровение у него органично включено в жизнь, в экзистенциальные переживания верха и низа, выбора и свободы.

Религиозная поэзия Стратановского отражает ситуацию богооставленности, известную большинству верующих, особенно монахам. Она очень живо и подробно описана в известной книге архимандрита Софрония (Сахарова) «Старец Силуан», и останавливаться на ней я не буду.

Если брать только содержание в отрыве от формы и — шире — от контекста, то религиозная поэзия легко превращается в кич. Стратановскому удалось избежать этой опасности, решить проблему сочетания подлинности и художественности,

Игорь Холин

Всеволод Некрасов

личного свидетельства и эстетической игры. Во многом ему в этом помог диалог с неформальной московской группой лианозовцев, в которую входили Игорь Холин, Генрих Сапгир, Всеволод Некрасов и несколько других поэтов.

В России, несмотря на все застои и периоды тотальных запретов, процесс перехода от модернизма к contemporary art проходил достаточно резко. В поэзии демаркационная линия обозначена именно лианозовцами, оппонентами которых являлась не традиционная поэтика, а соцреализм и массовая культура. Одна из самых ярких фигур «лианозовской школы» — Игорь Холин по праву считается главным творцом «барачного» мифа. Его миниатюры, фиксирующие будни простого советского человека, звучат сегодня как своевременные реплики в нудных ностальгических разговорах о дешевой колбасе и счастливом прошлом.

Любимая холинская фигура поведения — самоумаление. Его стихи цитировали многие люди, не подозревая, что их автор находится рядом. Он отказался от лирического «Я», от поэмы пророка («Граждане, послушайте меня!» Е. Евтушенко), и устремился туда, где грязь, и боль, и нищета. В этом решении был духовный выбор:

*Я постепенно опускаюсь
На дно
Туда
Где люди
Хрюкают
Мычат
И скотский образ жизни
Для них
Единственная форма
Существования
Чем ниже опускаюсь я
Тем ближе к Богу*

Холинские стихи ставят человека перед глухой стеной, перед ужасным миром, за которым мир иной, обетованный и прекрасный и человечески простой не сквозит. Они порождают (и будут порождать, поскольку многие черты советской жизни имеют печальное свойство воспроизводиться) в человеке вопрос о выходе, то есть о спасении. В этом смысле холинские тексты имеют отчетливый предостерегающий, миссионерский характер. Каким-то краем сознания Холин это понимал. Думается, совсем не случайно у него встречаются русифицированный фрагмент молитвы «Отче наш», поэма «Бог», такие стихи, как «свет/свет/свет/свет/свет/свет/свет/свет».

Не случайно и то, что одной из основных черт «барачной жизни» остается у Холина отсутствие света:

*Пролетело лето,
наступила осень.
Нет в бараке света.
Спать ложимся в восемь.
Пролетела осень,
наступило лето.
Спать ложимся в восемь, -
нет в бараке света.*

Экзистенциальная стуженность тьмы не

дает читателю даже задаться вопросом: почему в долгие летние дни света по-прежнему не хватает.

Московские попытки расширить историко-культурное поле поэзии поэт и идеолог питерского подполья Виктор Кривулин перенес исключительно в сферу «эстетического». В качестве примера он приводил «Псалмы» Сапгира.

Сапгир воспринял и пропустил через себя многие сюжеты и мотивы Псалмопевца. При этом, как царь Давид, он остался в жестких рамках монотеизма Торы. Ветхозаветная Церковь, как мы знаем, возводила добро и зло к Богу. Проблемы безвинных страданий Иова, конечно, волновали избранный народ. Но не будем забывать, что книга Иова — это поздняя книга. Со всей остротой вопрос о трагической судьбе любви в этом мире встал лишь на рубеже новой эры, и для ветхозаветного сознания Крест и Голгофа так и остались соблазнами.

Когда поэт в псалме 148 пишет: «Он повелевал — и сотворилось / злодобро и доброзло / завязаны узлом / Да здравствует Твоя жестоколюбовь!», то отнюдь не кощунствует, хотя идет по какой-то очень шаткой грани. Конечно, он не был верующим человеком, и при желании можно найти тексты, где он эту грань переступал. Но речь сейчас не об этом.

Если говорить о сугубо эстетических попытках расширить поле поэзии, то здесь, видимо, стоит обратить внимание на следующие после лианозовцев поколения. Прежде всего вспоминается Ольга Седакова. Поэтический проект Седаковой предельно литературоцентричен. При этом стих ее насыщен религиозными аллюзиями и куртуазными ходами. Он существует на грани между риторикой и поэзией, театром и университетской ученостью.

Внешне чем-то похож на нее Александр Величанский. Чрезвычайно пластичная, театрализованная речь Величанского тоже движется между поэзией и риторикой. Но стоит читателю погрузиться в нее, как он встретится с метафизикой знаков и жестов, и даже богословием. Возьмем, например, такое стихотворение:

*Высоко иль низко,
тяжко иль легко,
но пока Ты близко -
мы недалеко:
Ты - фитиль, мы воска
жар и холод враз,
пока словно воздух Ты
окружаешь нас.
Раньше или позже,
но в урочный час,
удаляясь, Боже,
оглянься на нас
еще не испитых
судьбою до дна,
пока даль путей Твоих
не отдалена.*

Мне бы хотелось здесь обратить внимание на концовку, особенно на строчки: «Удаляясь, Боже / оглянься на нас». В западной теологии есть выражение «Бог, смотрящий на нас». Смысл его имеет сотериологическую перспективу. Ведь спасенный человек — это тот человек, которого окликнул Бог, и который услышал этот призыв и вышел к Нему навстречу.

Заметим, что даль путей, которая пока не отдалена, вместила в себя и библейский, «избыточный» стих («И сказал Господь, говоря»), и новозаветные фигуры мысли («благодать на благодать»), и эсхатологию. Внешне непритязательный, отсылающий нас к державинской оде «Бог» текст Величанского богат экзистенциальными мотивами. В то же время он как бы «фотографирует» самочувствие верующей творческой интеллигенции в брежневскую эпоху.

В небольшой работе я далек от стремления выстроить всех авторов по ранжиру. Может быть, этого в принципе делать не стоит: духовные стихи обращены к внутреннему человеку и чужды духу соревнования. Хотя, конечно, какой-то

Генрих Сапгир

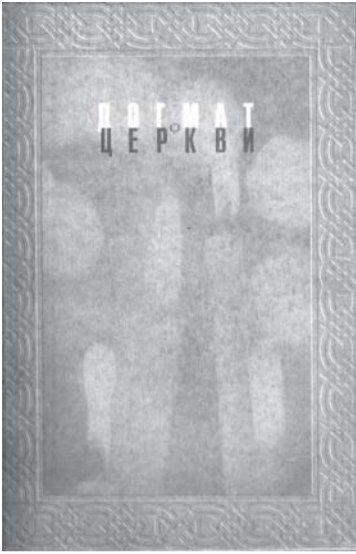
принцип отбора должен быть. Поэтов, писавших о вере в легендарные времена строителей коммунизма, немало. Достаточно назвать имена В. Блаженного, Ю. Кублановского, А. Зорина, Д. Щедровицкого, В. Кривулина, Славу Льва и т.д. и т.д. К ним, очевидно, можно добавить некоторых официальных, но писавших также «в стол» литераторов, вроде О. Чухонцева. Все написанные на известные темы тексты требуют хотя бы приблизительной инвентаризации.

Репрезентативный сборник религиозной поэзии андеграунда обещал стать заметной вехой в литературном процессе. Но до сих пор он так и не появился. Да, в 1989 году увидела свет поэтическая книжка «Воскрешение», составленная Валентином Никитиным. Впервые после 1916 года под одной крышей были собраны авторы, чье мировоззрение было тесно связано с православием и те, кто искал свой путь к Богу. В сборник, наряду со скромными произведениями, основное достоинство которых было, скорее, в чистоте и пламенности побуждений, вошли действительно значимые тексты. Казалось, за первой книжкой последует вторая, третья. Но годы шли, а книжки не появлялись. Точней, какие-то издания мелькали, но то ли уровень их был удручающе низок, то ли круг авторов предельно узок — все они остались практически незамеченными.

Так что репрезентативный сборник религиозной поэзии русского подполья до сих пор вещь чаемая, но недействительная. И это несмотря на то, что есть и заинтересованные читатели, и живые участники подпольного литературного процесса. Здесь поневоле мы выходим уже на другие темы, тесно связанные с нашей. В какой мере в современной церкви востребованы культурные наработки прежних лет? Опыт оглашения в атеистическом государстве? Экуменический опыт противостояния безбожной власти? Опыт вхождения в церковную ограду благодаря культуре? И, наконец, более фундаментальный вопрос: «В какой мере нужна современной церкви современная культура?».

Александр Величанский

«Господствовать или повелевать стадом Божиим означает пользоваться властью, не имеющей основания в любви»

Протопр. Николай АФАНАСЬЕВ

Среди моря литературы, издающейся у нас сегодня под грифом православной, не так часто встретишь глубокие и серьезные размышления о судьбах Церкви, о ее прошлом, настоящем и будущем. Вышедшая совсем недавно книга протоиерея Павла Адельгейма «Догмат о Церкви в канонах и практике» (Псков, 2002) такие размышления, безусловно, содержит. Это книга об одной из «болевых точек» нашей сегодняшней церковной действительности, и хочется надеяться, что она не оставит равнодушным всякого, кто хоть однажды задумывался о том, каковы есть и какими должны быть взаимоотношения между людьми, называющими себя членами Тела Христова — Церкви.

Книга написана автором, осознающим опасность «преувеличения истинного значения своих размышлений», стремящимся «держаться за нить богооткровенного Слова и церковного предания» и расценивающим написанное им не как «истину в последней инстанции», а как приглашение к диалогу. Однако это не отменяет его убежденности в правоте отстаиваемых им начал церковной жизни, что и понятно — без убежденности невозможен никакой диалог.

Проблема власти является едва ли не самым трудной и мучительной проблемой человечества и человеческого общества. Приходится признать, что далека она от своего решения и в эмпирической, земной церковной реальности, в которой люди часто

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ И МИТРА ИЛИ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ С ПРИХОДСКОЙ КОЛОКОЛЬНИ

оказываются лишь формальными последователями Спасителя, запретившего Своим ученикам власть обладания: «Князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так, а кто хочет из вас быть большим, да будет всем слуга; и кто хочет быть первым, да будет всем рабом» (Мф. 20:25-26). Церковь не отменяет власти (вспомним, что и Христос учил со властью как с силой, побуждающей размышлять над своими путями и изменять свою жизнь); она лишь понимает ее не по-мирски, но как власть любви, не посягающая на свободу других; как служение этим другим. В частности, дары ехаристического предстания и управления поместной церковью осуществляются в институте епископства, и поставление на эти чрезвычайно важные служения стало церковным таинством. «Церковь в епископе и епископ в Церкви» — эти слова свт. Киприана Карфагенского выражают два неразрывных признака Церкви согласно Символу веры: единство, личностным выразителем которого на уровне поместной церкви и является епископ, и соборность как неотъемлемое качество этого единства, сохраняющее в нем за каждой личностью свободу. «Церковь, — убежден о. Павел, — не может поступиться ни одним из двух антиномичных признаков, выражающих ее благодатную природу». Эта антиномия единства и свободы, по разделяемому им мнению, преодолевается только чудом любви.

Однако любовь не говорит через уста, изрекающие «Церковь — это я» или «я всегда прав». Когда же любовь оскудевает, на первый план выходит человеческий грех, и тогда феномен власти и в церковной ограде может оказаться соответствующим определению, приводимому автором, — «волей, которая может себя осуществить в чужой свободе с помощью принуждения и насилия над этой свободой».

Уже знакомство с приведенной в начале книги краткой автобиографией о. Павла (ныне — настоятеля двух приходов Псковской епархии) наводит на мысль о его полном нравственном праве говорить на эту и другие темы, трудные для церковного сознания. Оба его родителя репрессированы в годы сталинщины, отец и дед расстреляны. Церковный путь автора начинается с его

нелегкой сиротской юности, пришедшей к тому же на отнюдь не самые благоприятные для церкви, даже по меркам советского времени, 50-е годы XX века. На всем своем протяжении этот путь отмечен страданиями за веру, правду и возможность служить Господу своими дарами. Страданиями от несправедливой власти, и в том числе, увы, и власти церковной.

Будучи просвещенным и деятельным приходским священником, автор на себе испытал произвол, идущий от забвения и нарушения соборности как принципа церковной жизни. Он однозначно квалифицирует их как грех против догмата о Церкви и Символа веры. Это, по его признанию, было осознано им не сразу и даже неожиданно для самого себя: «Когда епископ усадил меня писать книгу, я начал работу от беспомощности и безысходности, не предполагая, что речь пойдет о подмене веры в «соборную» Церковь верой в «самодержавную» или «клерикальную» Церковь». Как бы то ни было, написанное о. Павлом, безусловно, продиктовано не эмоциями и желанием свести счеты, а твердой уверенностью в необходимости реальных соборных начал в церкви и зрелым осмыслением действительности на основе анализа многочисленных документов и фактов. Приведенные автором документы наглядно свидетельствуют о том, как решения поместного Собора Российской православной церкви 1917-18 гг. во многом возвращающие церковь к ее изначально нормам, вопреки церковным канонам непрерывно пересматривались на протяжении всех последующих лет вплоть до последнего Архиерейского собора. Факты же сегодняшней епархиальной действительности православной России еще более печальны, чем документы.

Безусловно, в каждой епархии реалии жизни имеют свои специфические черты. Тем не менее, выведенный о. Павлом не без горькой иронии образ Акакия, «епископа Урюпинского и Ангорского», с полным ощущением своих прав неограниченного властелина формирующего жизнь в своей «виртуальной» епархии и вслед за честолюбцем из «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери требующего от окружающих: «Восхищайся мною», — не псевдонимом конкретного лица, а

собирабельный персонаж, что уже само по себе показательное. С другой стороны, автор не может не черпать материал прежде всего в своей собственной жизни и в жизни епархии, клириком которой он состоит. Здесь и «трагедия инициативы» самого о. Павла — история отстаивания им права на нормальное осуществление своего служения (примечательно, что целенаправленный характер разрушения всего создаваемого им при предыдущем и нынешнем архиереях принципиально не различался), и вроде бы общеизвестное «дело архимандрита Зинова с братией», в котором автор освещает не слишком знакомые церковной общественности подробности: так, немногие знают о том, что жертвой указанного «дела» стал клирик Псковской епархии священник Владимир Андреев, выразивший несогласие с указом о запрете о. Зинова в личном (курсив наш — Ред.) письме еп. Евсевию и отправленный последним под запрет в связи с «публичным порицанием в адрес правящего епископа».

Итогом прочтения книги не может не стать (кроме восхищения мужеством автора) углубление размышлений над судьбами церкви, еще более отчетливое осознание того, что дело ведь, в конце концов, не в злой воле «епископа Акакия», а в том, что дает действовать этой воле в церковной ограде. «Константиновский» период, завершившись в церковной истории, все еще длится в церковном сознании, позволяя оставаться и процветать в ней мирским началам, свойственным не Христовой Церкви, но государству и обществу. Сегодня в церковной среде принято клеймить секуляризм. Только видят его чаще и прежде всего, употребляя выражение из известного анекдота, «где светлее» — в секулярном же мире, а не там, где он уродливее и коварнее — в ограде самой церкви. В конце концов, не должен ли, кроме прочего, являться предметом первостепенной озабоченности православных христиан тот факт, что символизирующая терновый венец архиерейская митра на практике зачастую приобретает образ чего-то совсем другого, а значить, Божие по-прежнему хулился среди народов? Одна и та же неприглядная сцена для нас все же куда более непригодна в святом алтаре, чем в министерском кабинете или на коммунальной кухне.

Дмитрий МАТВЕЕВ

«МОЦАРТ, ГДЕ БРАТ ТВОЙ...»

В театре духовной драмы «Пилигрим», что на Петровских линиях, премьера. Дают «Моцарта и Сальери» Пушкина. Обращение к классическому тексту, который, казалось бы, все знают наизусть, неожиданно. Настолько неожиданно, что первым из вопросов, возникающих до просмотра, может быть: «при чем тут христианство?»

Спектакль очень музыкальный. Две мелодии сменяют друг друга: одна — радостная, торжественная, другая — реквием. В спектакле много пластики и метаморфоз: палочка превращается в кинжал, сам Сальери — в черного человека... Черный человек все время присутствует на сцене: видимо — для зрителей и невидимо — для Моцарта. Знакомый текст Пушкина произносится отчетливо и выверено, ни одной банальности, каждое слово по-настоящему звучит.

Перед нами разворачивается трагедия убийства гения, трагедия братоубийства. Спектакль заставляет нас прожить ее — зависть, ненависть, замысел, исполнение —

вместе с Сальери, следуя переживаниям его души...

И, в финале — Моцарт, бессмертный Моцарт, словно продолжая дирижировать, а на самом деле — в беззвучной молитве склоняется над Сальери, погубившим свою душу из-за зависти к своему собрату...

После спектакля — обсуждение со зрителями, очень живое, глубокое, серьезное. Зрители давали советы режиссерам: где еще услышишь такое? Думается, что для каждого спектакль мог стать внутренне пережитым опытом осмысления трагичности этого мира и вечного вопроса о мере совместности гения и злодейства...

Ирина ВОЛКОВА

АФИША ТЕАТРА «Пилигрим»

21 ЯНВАРЯ

А.Мезенцева «Прогулки по канату»

28 ЯНВАРЯ

А.С.Пушкин «Моцарт и Сальери»

Адрес: м. Кузнецкий мост, ул. Петровские линии д. 1 ДК «На Петровских линиях» (напротив гост. «Будапешт»)

Тел. для справок и заказ билетов 7914592

КНИГА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ

«...Все это время был загружен сверх головы. Словарь еще не кончен, нужно еще завершить кое-что к юбилею и каким-то церковным комиссиям...» - «Окончил статью об о. Льве Жилле. Спасибо даже за те скудные сведения, что сообщили...» - «Нет ли у Вас случайно фото В.Ильина? Он есть на некоторых фото, но очень мелко». - «Достал я, наконец, 1-й том книги Зандера об о. Сергии. Очень отрадно, что нашелся человек, который сумел так тщательно обобщить его учение и так подробно его изложить...»

Эти строки из писем прот. Александра Меня, написанных в середине 80-х, отражают труд, ставший для него главным в последние годы его жизни — создание «Библиологического словаря». Сегодня, спустя 12 лет после трагической гибели о. Александра, этот изданный в трех томах словарь, задуманный еще в начале 70-х годов и созданный в основном самим пастырем, оказался уникальным, не имеющим аналогов в России справочным изданием по библейскому богословию и библейской критике, а также о людях, чьи труды так или

иначе имеют отношение к Священному Писанию. Словарь содержит 1790 статей.

Желая сохранить авторский текст, редакция словаря не сочла

возможным изменять или дополнять содержание словарных статей и библиографии. В связи с этим закономерно может возникнуть вопрос: время сегодня летит стремительно — не устарел ли труд о. Александра? Безусловно, библейская наука, как и наука в целом, не стоит на месте, и за годы подготовки словаря к изданию она обогатилась новыми достижениями, не вошедшими в него. Однако об устарелости словаря в целом говорить не приходится: он еще многие годы будет незаменимым пособием для изучающих Слово Божие в нашей стране и за ее пределами.

Дмитрий МАТВЕЕВ

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная

Фото:
Анатолий Мозгов

Дизайн:
Андрей Мареев
Верстка:
Татьяна Зельникова

Тел./факс:
(095) 923-03-80
e-mail:
kifa@list.ru

Тираж 999 экз.